

Глава 7

СЫН ЦЕРКВИ

На протяжении всей жизни государь Иван Васильевич выказывал преданное отношение к православию. И в речах, и в посланиях он стремился показать себя верным слугой Господа.

Действительно, многое свидетельствует о том, что Иван IV был истинно верующим христианином.

Он с детских лет любил совершать богомолья по монастырям, вплоть до самых отдаленных обителей. Много молился, строго соблюдал посты, превосходно знал Священное Писание, лично составлял стихиры, тропари и кондаки. От Церкви Иван Васильевич требовал ревностного отношения к богослужению, чистоты, честности, просветительской работы и твердого стояния за «истинный и православный христианский закон», даже если придется пострадать за него³⁶⁹.

Он яростно отстаивал чистоту веры от разного рода еретических искажений и немало усилий приложил к тому, чтобы не допустить в Россию протестантизм. В 1553—1555 годах государь способствовал разгрому ереси Матвея Башкина и Феодосия Косого. Последний бежал в Литву и там присоединился к антитринитариям (социнианам). На территории нашего западного соседа, Великого княжества Литовского, в середине XVI столетия пылали конфессионные конфликты, получили распространение многие разновидности протестантского учения, в том числе анти-тринитарные секты лютейшего образца. Иван Васильевич

позаботился о том, чтобы московский рубеж надолго стал восточной границей распространения протестантизма³⁷⁰. Его походы на запад неоднократно принимали в ходе Ливонской войны вид военных экспедиций, направленных к религиозному очищению, борьбе с засильем «прескверных лютор». Особенную роль сыграли походы 1562—1563 годов на Полоцк и 1577 года в Южную Ливонию. Кстати, в первом случае подверглись каре ученики и соратники Феодосия Косого, обосновавшиеся в Полоцке.

Порой началу большой военной кампании предшествовал крестный ход в Москве с участием столичных архиереев и монастырского начальства. И боевое предприятие превращалось в своего рода крестовый поход.

Царь лично принимал участие в религиозных диспутах с иностранными проповедниками, неизменно занимая позицию ревнителя православия. Так, в 1570 году он вступил в публичную полемику с «министром» богемских (моравских) братьев Яном Рокитой, а в 1582 году вел споры о вере с ученым папским посланником Антонио Поссевино. Конфессия, которую представлял Ян Рокита, относится к числу не то что радикальных, а, можно сказать, боевых ответвлений Реформации. Соответственно царь уподобил ее адептов нечистой силе, «развратникам христианства», а само учение — «яду»³⁷¹.

Записки Поссевино в деталях и с большой подробностью донесли до наших дней содержание споров папского миссионера с Иваном Васильевичем. Государь не проявил ни малейшего желания делать какие-либо уступки католичеству, а к реформационным учениям вновь высказал совершенную непримиримость³⁷².

Одной из самых значительных заслуг царя перед Церковью и страной является введение в России государственного книгопечатания. От 50-х — начала 60-х годов XVI столетия до нас дошло несколько «анонимных»³⁷³ изданий; некоторые из них могут быть с большим на то основанием

приписаны неизвестной московской типографии. По всей вероятности, на этом издательском предприятии использовался труд итальянских инженеров, поскольку терминология раннего русского книгопечатания взята из итальянского языка³⁷⁴. Некоторые исследователи связывают работу этой типографии с просветительской деятельностью Сильвестра, участника Избранной рады. Реже пишут о связи между учреждением книгопечатания и той же просветительской устремленностью некоторых статей «Стоглава», хотя это феномены явно одного плана. Первые годы книгопечатания в России крайне слабо освещены в источниках. В распоряжении историка имеются лишь жалкие клочки информации. Доподлинно не известно, кто содержал изначальную типографию и где она располагалась.

В первой половине 60-х³⁷⁵ государь Иван Васильевич и св. Макарий, митрополит Московский, основали Печатный двор в Китай-городе — первое отечественное издательство, деятельность которого документирована. Печатный двор поддерживался государством и Церковью, иными словами, он обеспечивался финансами и кадрами на регулярной основе. В 1564 году мастера-печатники Иван Федоров и Петр Мстиславец выпустили «Апостол» — первую российскую книгу, выходные данные которой известны ученым. Затем вышел «Часослов». По словам самого Ивана Федорова, царь благосклонно относился к его деятельности. Через несколько лет оба печатника переехали на территорию Великого княжества Литовского, чтобы заняться просветительской деятельностью среди православного населения Литовской Руси³⁷⁶. Книгопечатание в России продолжалось: некоторое время типография работала в Александровской слободе, но впоследствии она вернулась в Москву, на Никольский крестец (Китай-город). Тематика изданий Печатного двора в первые десятилетия его существования была почти исключительно церковной. Появление типографии в Москве оказалось великим благом для православия, поскольку

избавило литературу, бытовавшую в церковном обиходе, от ошибок переписчиков. Перед тиражированием каждое издание подвергали «справе» (многосторонней редактуре) и очищали от накопившихся искажений. Поскольку богослужебные книги того времени изобиловали разночтениями, приведение их к единому виду, а также правка сомнительных с богословской точки зрения моментов затянулись и в XVII столетии вызвали бурю споров³⁷⁷. Однако уже то, что можно было хотя бы приступить к этой работе, стало большим подарком для нашей Церкви. Издания Печатного двора расходились по всей России: их продавали, бесплатно отправляли в новые храмы и монастыри, везли в отдаленные города для последующего распространения.

Таким образом, государь Иван IV сделал немало полезного для Церкви и долгое время старался быть ее верным сыном.

Проблема состоит в том, что при всей твердости вероисповедной позиции в личной жизни и в политике Иван Васильевич с первой половины 60-х годов XVI века стремится как можно меньше стеснять себя. Заповеди Христовы и христианская нравственность слабо связывали его страстную натуру, играя в «постановках» государя-лицедея роль декораций, но никак не стержня всего действия.

Уже в 1564 году, вскоре после смерти митрополита Макария³⁷⁸, государь пишет Курбскому о новой своей позиции по отношению к Церкви: «Нигде ты не найдешь, чтобы не разорилось царство, руководимое попами. Тебе чего захотелось — того, что случилось с греками, погубившими царство и предавшимися туркам?»³⁷⁹ До начала опричнины св. Макарий неоднократно печаловался о судьбе опальных вельмож, осужденных на казнь. Ему удавалось отмотить их жизни. Так, например, произошло в 1554 году. В Литву попытался перебежать князь Никита Семенович Лобанов-Ростовский, да с ним же собирались перейти рубеж еще несколько князей Ростовского дома; однако в Торопце

князя Н.С. Лобанова-Ростовского поймали, и он дал обширные показания о своем участии в аристократическом «мятеже» 1553 года, а также об иных его участниках. Царь осудил его «казнить смертью и на позор», но тут вмешалась Церковь. Летопись сообщает: «...митрополит Макарий и со владыками и архимандриты... отпросили его от смертныя казни»³⁸⁰. Вместо этого князь-беглец отправился в тюрьму на Белоозеро. Пользовался правом «печалования», по всей видимости, и митрополит Афанасий, преемник св. Макария на Московской митрополичьей кафедре³⁸¹. Достоверно известен случай из раннеопричного периода: митрополиту Афанасию своим ходатайством удалось спасти от опалы боярина И.П. Яковлева (март 1565 года). Однако с установлением опричнины царь все реже прислушивается к голосу Церкви. Теперь он крайне отрицательно относится к попыткам архиереев избавить «изменников» от смерти. Именно в этом состояла главная причина его конфликта со св. Филиппом, пришедшим на место митрополита Афанасия.

Житие митрополита Филиппа рассказывает о том, как он пытался уговорить царя отказаться от опричнины: «... нача молити, дабы государь престал от такого неугодного начинания Богу и всему православному христианству. И воспомяну ему Евангельское слово: “Аще царство на ся разделится — запустеет”. И ина многа глагола со многими слезами...»³⁸² Не добившись своего, св. Филипп позднее обличил воинство опричников публично: «Мы убо, царю, приносим жертву Господеви чисту и бескровну в мирское спасение, а за олтарем неповинно кровь лиется христианская и напрасно умирают!»³⁸³ Он публично отказал царю в благословении, призывая Ивана Васильевича прежде простить «согрешающих» ему. Открытое антиопричное выступление св. Филиппа относится к периоду, когда массовый террор уже был инициирован «расследованием» по «делу» И.П. Федорова. Митрополита возмущало, помимо

всего прочего, одяние опричников: «черные ризы», высокие «халдейские» шлыки на головах, «тафии»³⁸⁴, не снятые во время крестного хода. Его замечания по этому поводу вызывали царский гнев. Царь настоял на свершении суда над митрополитом. Суд этот производился со значительными нарушениями относительно церковных традиций, канонов и доброй нравственности. Особая «следственная комиссия» работала на Соловках, где Филипп до восшествия на митрополичью кафедру был игуменом; следователи всеми доступными способами — то посулами, то открытым насилием, — добывали показания против него. В результате доказательная база обвинения, выдвинутого против митрополита, оказалась основанной на клевете и лжесвидетельствах... Филиппа осудили. Архиерейские одежды были насильно сорваны с него прямо в храме, во время богослужения, и заменены на рваную рясу. Некоторые мужественные иерархи противились суду, а когда, под давлением Ивана Васильевича, бывшего митрополита все-таки признали виновным в «порочной жизни», царю не позволили сжечь его³⁸⁵. Смертная казнь была заменена ссылкой в тверской Отроч монастырь. Это произошло в ноябре 1568 года. По словам Р.Г. Скрынникова, «...суд над митрополитом нанес сильнейший удар по престижу и влиянию Церкви»³⁸⁶. Действительно, срамное действие православного государя опозорило Церковь и показало, сколь мало теперь стоит ее честь в глазах Ивана Васильевича. Опричная политика несла в себе мощный антицерковный элемент. Трагическая смерть св. Филиппа дает еще одно подтверждение этому: в декабре 1569 года его умиротвил опричник Малюта Скуратов-Бельский³⁸⁷.

В следующем году по царскому приказу лишились жизни св. Корнилий, архимандрит Псково-Печерский, Митрофан, архимандрит Печерского Вознесенского монастыря в Нижнем Новгороде, а также Исаак Сумин, архимандрит

Солотчинского монастыря на Рязанщине. Они упомянуты в официальных синодиках опальных³⁸⁸. Синодики содержат также немало имен «старцев», «иноков», архиерейских приближенных и служилых людей. Некоторые персоны духовного звания, вплоть до архиереев, умученные по велению царя, не вошли в синодики, но их гибель подтверждается иными источниками. Во время опричного разгрома Новгорода и Пскова в 1570 году подверглись нещадному разграблению храмы и монастыри.

К сожалению, русский православный царь отличался несовместимой с его званием любовью к астрологам и «чародеям», порой надолго подпадая под их влияние и даже поступая по их советам в государственных делах. Так, по всей видимости, поставление Семиона Бекбулатовича на российский трон было связано с предсказаниями астрологов³⁸⁹. Елисей Бомелий, астролог с репутацией злейшего колдуна, долгое время ходил у Ивана Васильевича в доверенных лицах. Курбский упрекает царя в нелепом пристрастии к астрологии: «чаровников и волхвов от далечайших стран собираешь, пытающе их о счастливых днях». Джером Горсей сообщает, что незадолго до смерти государь «...приказал доставить немедленно с Севера множество кудесников и колдуний... шестьдесят из них были доставлены в Москву, размещены под стражей»³⁹⁰. Иван Васильевич пользовался их ворожбой и даже получил от них предсказание о дне собственной кончины, сбывшееся, по свидетельству Горсея.

Наконец, Иван Васильевич женился шесть раз³⁹¹. Это намного больше, чем предусмотрено православными канонами. Четвертый брак — прямое нарушение твердых церковных правил на этот счет. Церковь вынуждена была разрешить его: память о недавно закончившемся массовом терроре была свежа, и ни один русский архиерей не мог быть спокоен за свою жизнь. Правда, на царя была наложена епитимья... Для всех прочих, дабы никто не соблазнился

примером государя, последовало церковное разъяснение: «да не дерзнет [никто] таковая створити, четвертому браку сочетатися...» под страхом проклятия. По свидетельству Антонио Поссевино, после заключения четвертого брака Иван Васильевич до конца жизни был лишен права принимать причастие³⁹².

Дважды он вынуждал сына, царевича Ивана, постригать жен в монахини. А в 1581 году, не умея сдержатъ ярость из-за слишком вольного, по его мнению, поведения очередной невестки, поссорился с ним и нанес ему смертельную рану³⁹³.

Иван IV прекрасно понимал собственную порочность и время от времени начинал каяться — всерьез, тяжело, скорбно. Нет смысла сомневаться в искренности его покаяния. В 1551 году, обращаясь к церковному собору, государь признается в том, что «заблудился», уйдя от заповедей Господа «душевные и телесные» по причине «юности» и «неведения»³⁹⁴. В 1572 году слова глубокой скорби о своей греховности звучат в его духовной грамоте (завещании). В последние годы жизни Иван Васильевич, стоя одной ногой в гробу, велит писать синодики «опальных» убиенных и рассылать их с богатыми пожертвованиями по монашеским обителям для поминания «на литиях и на литоргиях, и на понахидах по вся дни...»³⁹⁵

Другое дело, что покаянные слова и действия государя всякий раз бывали результатом настроения. Кажется, определенную стойкость царь проявил лишь в конце 40-х — начале 50-х годов XVI века, да еще, может быть, в конце жизни, когда здравый смысл подсказывал ему: пора бы всерьез задуматься о встрече с Высшим Судией... Все мы слабы и грешны. Сбрасывая на исповеди груз грехов, так веришь: всё это совершено тобой в последний раз! И какое-то время стараешься держаться, а с Божьей помощью порой действительно избавляешься от порочных пристрастий. Но

чаще все-таки бывает иначе: прегрешения вновь нанизываются на твою душу, как шашлычины на шампур. Грешим и каемся, каемся и грешим, и опять каемся... Жизнь христианина состоит из падений и восстаний от греха. Необходимо лишь находить в себе силы для того, чтобы подниматься из пропасти собственных слабостей, сластолюбия и гордыни. Автор этих строк не может назвать себя добрым и нравственным христианином, а потому окончательный суд о грехах государя Ивана Васильевича хотел бы оставить Церкви и Господу.

Но одно сказать все-таки необходимо. Вне зависимости от глубины раскаяния царя, Церкви он нанес огромный ущерб. Гибель и страдания архиереев, священников, близких им людей, унижение церковного авторитета, нарушение канонов, покровительство оккультной деятельности — вот далеко не полный результат государева своевольтва.

18 марта 1584 года государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси ушел из жизни³⁹⁶.

В 1997 году автор этих строк приобрел в букинистическом магазине рукописный сборник середины XVIII столетия с космографией и кратким летописцем. Книга принадлежала когда-то Леонтию Кириллову, следовательно, летописец можно условно называть Кирилловским. Он был составлен не ранее 1652 года, и его лапидарные погодные записи не несут, кажется, никаких уникальных известий. Правление Ивана IV оформлено в Кирилловском летописце поразительно: начинается оно знамением, не предвещавшим ничего доброго, да и заканчивается еще одним пугающим знамением. Вот эти записи: «...сему же князю Василию Ивановичу родися сынъ великий князь Иванъ от великия княгини Елены. В часъ же рождения его в лето 7038 в Великом Новеграде бысть громъ страшен

зело и блистания молнии, что из давныхъ летъ никто не помнить». А незадолго до кончины государя, под летом 7090-м (1581/1582 г.) сказано: «Явися на небеси звезда хвостата, а была 33 дни и ходила по полунощной стране и по полуденной, и по заподной». Как будто Господь поставил «красные флажки» в начале правления этого монарха и при завершении его.

Царствование Ивана Васильевича было для страны несчастливым...